

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ.
НОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Философский диалог

ПЕДАГОГ – ФИЛОСОФ – СТРАТЕГ

Беседа ведущего рубрики журнала «Философские науки»,
председателя Совета директоров школ стран СНГ,
д.пед.н., профессора Я.С. Турбовского
с директором Института «Стратегии развития образования РАО»,
членом-корреспондентом Российской академии образования,
д.филос.н., профессором С.В. Ивановой

Цитирование: *ТУРБОВСКОЙ Я.С., ИВАНОВА С.В.* (2017) Педагог –
Философ – Стратег // Философские науки. 2017. № 12. С. 7–18.

Я. Т.: Уважаемая Светлана Вениаминовна, насколько я могу судить, Вы тесно сотрудничаете с журналом «Философские науки», и не только как автор статей и исследователь, занимающийся близкими этому журналу проблемами, но и как руководитель особого, судя по названию, института – **Института стратегии развития образования**. С этой позиции действительно чрезвычайно важно целенаправленно использовать исследовательский потенциал не только вверенного Вам коллектива, но и исследователей в смежных областях научного знания. И Ваша постоянная забота о расширении исследовательских связей института с другими научными организациями и изданиями, в частности, с журналом «ФН», убедительно об этом свидетельствует. В таком случае, не обусловливается ли деятельность Института стратегии развития образования задачей вывести сплочение специалистов разных научных областей на уровень **управляемого процесса**?

С. И.: Вопрос непростой, спасибо за него. Он действительно отражает не только особенности развития научного знания в современных условиях, но и – что не менее важно – наши реальные возможности решения фундаментально значимых проблем.

Конечно, наш институт поддерживал и поддерживает контакты с различными журналами, и, в первую очередь, педагогической направленности, но в сложившейся познавательной ситуации журнал «ФН», объединяющий ведущих философов страны, зани-

мает особое место. И объясняется это тем, что педагогика не может необходимое образованию знание, как говорится, «черпать из самой себя», особенно, когда речь идет о повышении эффективности междисциплинарных исследований. А для нашего института именно эта исследовательская тема приоритетна. Как я понимаю, решаться она может только на широком методологическом фундаменте, и здесь без тесного союза с философами не обойтись. И мы не забываем об исторической роли философии в развитии педагогики и в контексте проводимых междисциплинарных исследований стремимся всемерно развивать наши взаимоотношения в первую очередь — с философией, а также с разными отраслями гуманитарного знания.

И именно поэтому для нас так важно сотрудничество с журналом «ФН». За этими словами уже немало конкретных дел. В нашем институте журнал «ФН» выписывается постоянно, на его страницах публикуются работы наших сотрудников, мы участвуем в совместных круглых столах, конференциях и других мероприятиях. Да и Вы, Яков Семенович, в течение многих лет самым тесным образом сотрудничаете с журналом.

И эта реальная связь института с философами и непосредственно с журналом ФН достаточно убедительно свидетельствует о существовании тенденции, проявление которой Вы отметили в заданном вопросе, и о нашем активном стремлении поднять решение проблемы междисциплинарных исследований на востребованный временем уровень.

Я. Т.: Светлана Вениаминовна, в конце моего вопроса есть такая акцентированная фраза: не видите ли Вы реальной возможности сделать процесс взаимодействия между нами — учеными-педагогами и философами управляемым, строить эту работу на плановой основе?

С. И.: Конечно, именно в этом суть требуемого решения. И наша совместная работа с коллегами уже во многом осуществляется в плановом порядке. Мы — заранее планируя — постоянно проводим совместные мероприятия, философы у нас — постоянные гости. Имеются философы среди членов нашего диссертационного совета по специальности «Теория и история педагогики». Мы очень дружим с философским факультетом МГУ им. М.В. Ломоносова, заключили с ним соглашение о научном сотрудничестве.

Мы проводим мероприятия по линии Научного совета по сравнительной педагогике Отделения философии образования и теоретической педагогики РАО, и в этих мероприятиях участвует широкий

круг философов. И я могла бы еще продолжить перечисление, что подтверждает, какое значение мы уделяем взаимодействию педагогов и философов и как многое для этого уже делается.

Я. Т.: Но, Светлана Вениаминовна, в самом начале нашей беседы я сознательно задал столь непростой вопрос. Как мне представляется, Ваш ответ на него позволит такому компетентному читателю, каким является читатель журнала ФН, сразу же разобраться, о чем пойдет разговор и, естественно, интересен ли он лично ему. Но после Вашего ответа, дающего возможность ему решить: читать дальше или не читать, не могу не познакомить его непосредственно лично с Вами.

В мире образования многие знают С.В. Иванову не только как ученого-педагога и руководителя института, но и как человека увлекающегося, любящего, поддерживающего, чему-то бескомпромиссно противостоящего, отвергающего, ставящего перед собой значимые цели и определяющего средства для их достижения – человека, который видит в тесном сотрудничестве философов и педагогов настоящую потребность, испытываемую системой отечественного образования.

Поэтому, расскажите, пожалуйста, о себе, о своих близких, о своих увлечениях, особенностях характера, о дороге, приведшей Вас к руководству институтом и, естественно, обо всем том, что побуждает Вас развивать исследовательские отношения между философами и педагогами.

С. И.: Какой сложный и длинный вопрос. Всю жизнь не перескажешь в интервью. Мне бы не хотелось быть неинтересной, излагая ненужные подробности. Попробую ответить кратко. Стала доктором философских наук по убеждению, осознавая необходимость философских оснований для педагогики. Иначе я бы защищала диссертацию по педагогике. И сегодня я тяготею к исследованию вопросов междисциплинарного характера, связанных и с философским осмыслением, и с педагогическими подходами, к вопросам более масштабным, чем частные методики или конкретный образовательный процесс. Мне видится актуальным исследование формирования многофакторного образовательного пространства. Мне интересно посмотреть на то, что происходит сегодня с философским обоснованием дидактических подходов. Слава Богу, что в нашем институте есть научные школы, которые рассматривали проблемы образования в таком же философском, культурологическом ключе. Сегодня в мире нет узкого понимания педагогики. Скорее всего, мир говорит об исследовании образования, используя потен-

циал науки в самом широком смысле слова. И мне думается, что и журнал ФН именно с этой стороны смотрит на проблему.

Я. Т.: Светлана Вениаминовна, это хорошо, что Вы столь подробно рассказали о своих профессиональных интересах, но, если не возражаете, хоть немножко — о себе. Вы же — учительница русского языка и литературы в школе, Вы издали множество своих книг: лирических стихов, текстов песен, сказок... И я хотел бы, чтобы Вы рассказали о своих разносторонних интересах, чтобы читатели журнала, как можно больше узнали о Вас как личности.

С. И.: Спасибо за такой интерес к моей персоне. Я — многолетний учитель, выбрала педагогический вуз по совету мамы, люблю свою профессию, и это сказалось на моей биографии. По сей день люблю говорить о работе учителем литературы в старших классах гимназии. В моем учительствовании было 5 выпусков одиннадцатиклассников, а ведь каждый выпуск — событие в жизни учителя, и я этим горжусь. Радуюсь тому, что мои ученики не «проходили», как теперь принято говорить, а имели возможность душевно прикоснуться, к примеру, к жизни и философии героев великого Л.Н. Толстого.

И на все разговоры о том, что не надо что-то из классиков читать в школе, отвечаю одним вопросом: когда в таком случае люди прочитают классическую литературу, если не обратятся к ней в школе? Вряд ли взрослый человек, не имея определенного уровня культуры, не имея потребности в серьезном чтении, обратится потом к классической литературе.

Если мы не сформируем в школе фундамент интеллигентной, творческой личности, то откуда ей взяться потом? Не будучи сформированной в детстве, в школьном возрасте, она не появится позже, ведь это практически невозможно. К тому же не лишне сказать о роли родной литературы в формировании гражданской идентичности, о воспитании патриотизма, а в современных геополитических реалиях это особенно важно. И учителю, как никому, принадлежит особая роль в формировании личности, потому что именно он напрямую, лицом к лицу соприкасается с каждым ребенком. Именно 30-летнее учительствование, в процессе которого ощущаешь не абстрактную, а реальную ответственность перед каждым **своим** учеником, приучило меня к такому же ответственному отношению к любой выполняемой работе. Но есть еще одно, не уходящее из моей жизни, порожденное школой увлечение — преподавательская деятельность. Для меня, как оказалось, вести уроки в школе, читать лекции студентам — не

только профессиональная потребность, но и ничем незаменимая возможность ощущения своей ответственной сопричастности к нашей совместной жизни.

Я. Т.: Светлана Вениаминовна, не могу не спросить, что Вас подвигло писать песни?

С. И.: Появление песен — это случайность. Обычно я пишу стихи. Пишу с 8-летнего возраста, пишу их периодами, когда «пишется», а откуда и почему такое состояние возникает — не знаю.

Я. Т.: Светлана Вениаминовна, Вы одна из немногих известных мне людей, для кого сказанные слова наполнены реальным смыслом и предельно адекватно отражают собственное мнение. Вы сохраняете традиции выдающихся директоров нашего института — Ф.Ф. Королева и А.М. Арсеньева, З.А. Мальковой. Как ведущий рубрики журнала ФН я не могу не задать вопрос: как пришлось пережить вынужденный переход из РАО в подчинение Министерства образования и науки? Что Вы почувствовали, получив приказ об обязательности сокращения трех с лишним десятков утвержденных Ученым советом института, плановых тем до семи? Как Вам удалось сформулировать перед сотрудниками института идею, которая мотивировала их на решение актуальных задач и помогла им эффективно, творчески выполнять министерские задания?

С. И.: Вопрос сложный. Прежде всего, мне трудно обсуждать то, что было сделано с РАО. До сих пор мне думается, что когда Академия и подведомственные ей институты выполняли государственную программу фундаментальных исследований — это была не самая плохая организация науки, и там был потенциал для позитивных изменений.

Наблюдая сейчас за ситуацией, можно сказать, что, в конечном счете, все сложилось не худшим образом. Мы в институтах все-таки не растеряли основные направления деятельности, наши основные кадры. Можно смело говорить, что та программа фундаментальных исследований, которая была утверждена распоряжением Правительства в 2012 г. на 2013—2020 гг., в целом реализуется. Печально то, что нам пришлось пройти через громадное сокращение кадров. Это болезненная процедура.

Однако мы с Вами понимаем, что за годы работы возникает успокоенность и некоторая приверженность, скажем так, к «вредным привычкам» в науке. Мне пришлось с этим встречаться и первоначально, до реорганизации, когда я начала руководить институтом теории и истории педагогики. Неко-

торые сотрудники утверждали: «Я это исследовал, я это буду продолжать исследовать». В ответ я говорила, что надо найти что-то актуальное. С этим приходилось сталкиваться и позже, когда мы объединили институты. Надо сказать, что костяк — наши лучшие научные кадры, отнеслись к этим требованиям с полным пониманием.

С приходом новой команды в 2016 г. мы начали работать с министерством очень содержательно, и оказались, что радует, по-настоящему востребованы. Мы ведь всегда хотели работать и быть полезными в решении проблем государственной образовательной политики.

Теперь у нас два основных направления исследовательской работы: с одной стороны, мы создаем фундаментальные знания, которые в органичном единстве служат педагогической науке, педагогическому образованию, частным дидактикам и предметным методикам. А с другой — у нас проводятся прикладные исследования, изначально адресованные непосредственно школе и учителю. И, обращаясь к столь уважаемому читателю, я считаю возможным с профессиональным удовлетворением отметить, что именно в этом направлении мы уже достигли определенных и используемых массовой практикой результатов.

Я. Т.: Светлана Вениаминовна, если мне не изменяет память, Вы ведь сами бывший сотрудник министерства, чиновник высокого уровня. Как вам нравится складывающаяся стилистика отношений министерства и института?

С. И.: Да, я проработала в министерстве 8 лет. Меня не может не радовать сам факт сотрудничества института и министерства, потому что мы делаем одно общее дело.

Естественно, что оценивая отношения института с министерством, я исхожу из своего личного опыта. Так уж получилось, что я работала не при одном министре, а при многих: при Евгении Викторовиче Ткаченко, который сегодня в нашем институте является научным консультантом, при Владимире Михайловиче Филиппове, и мы всегда работали в контакте с наукой, с институтами РАО, и сейчас, надеюсь, министерство к этой практике возвращается. Тот факт, что институт востребован, этому убедительное подтверждение, и он будет делать все необходимое, чтобы эта тенденция всемерно развивалась.

Я. Т.: Светлана Вениаминовна, насколько я могу судить, у Вас сложились творческие отношения с рядом профессиональных

философов. Не раскроете ли, на какой основе они возникали, как и что способствовало их сохранению на протяжении многих лет и, судя по двум руководимым Вами ВАКовским журналам, плодотворному развитию?

Если не возражаете, в дополнение к вопросу: творчество каких отечественных, а может, и не только отечественных, философов сказалось на формировании Ваших мировоззренческих и методологических установок и непосредственно на исследовательской деятельности?

С. И.: Вы знаете, давно, после защиты кандидатской диссертации, я сразу подумала, что хочу заниматься более глубокими вопросами, чем методика или классическая дидактика.

Я. Т.: Как называлась Ваша кандидатская диссертация?

С. И.: «Педагогические условия гуманизации процесса обучения (на материалах преподавания литературы)». В диссертации и в монографии прописан комплекс педагогических условий, которые способствуют гуманизации обучения на уроках литературы.

Однако до сих пор не наступило понимания всеми, что личностно ориентированный предмет не терпит личностно отчужденного преподавания.

Я всегда ратовала за то, что литературу надо преподавать как предмет искусства. Это особое отношение к предмету. Если мы хотим, чтобы люди любили литературу, чтобы они ее читали, она должна быть особым образом преподнесена. Учитель литературы — это особенный учитель, он каждую секунду проявляет свое отношение к поэтическому слову, к произведению или писателю и свое умение вовлечь ученика в мир этого писателя.

Мне пришлось преподавать в довольно странное время конца 80-х — начала 90-х годов, когда многие газеты и журналы скатились до уровня «желтой прессы». Но это время открыло нам и громадные возможности: преподавать литературу Серебряного века, литературу 30-х — 40-х годов, ту, которая в советское время замалчивалась.

Я. Т.: Мне не хочется вдаваться глубоко в этот вопрос, но Вы не находите, что Ваши слова об отношении к литературе звучат трагично на фоне того, как она преподается сегодня в школе?

С. И.: К сожалению, личностно ориентированное обучение не стало массовым. И это очень горько. Однако я вижу и много замечательных примеров хороших школ, хороших учителей.

Я. Т.: В примерах у нас никогда не было недостатка, но в массовом порядке у нас не все получается.

С. И.: Что касается философов, творчество которых сказалось на формировании моего мировоззрения: из отечественных философов это — Иван Александрович Ильин, Бердяев, Лосев, и, конечно, Павел Флоренский. Из зарубежных — Леви-Стросс, Сартр, Хайдеггер, Кант. И очень важное для меня имя — А.А. Богданов, о чем я писала неоднократно. Кстати, моя первая статья по Богданову была опубликована в ФН в 2007 г. Не буду называть имен моих современников, которых люблю и уважаю. Боюсь второпях кого-то забыть и обидеть своим невниманием. Что же касается моих собственно философских интересов, то меня продолжают интересовать проблемы постмодернизма и преломление этих идей в педагогической науке, и особенно в образовательной практике. И здесь на первое место выходят такие известные философы как Лиотар, Деррида, Гваттари, Делёз и самый значимый для меня — Умберто Эко, в прошлом году ушедший из жизни. И он, действительно, один из значительных философов нашего времени. Чего только стоит его книга «Не надейтесь избавиться от книг»! Лучшее чтение для учителя литературы и каждого любящего книгу.

Я. Т.: Кстати, Вы сами читаете художественную литературу?

С. И.: Теперь — читаю редко, чаще — пишу. Из современной прозы мне мало что нравится. Есть хорошая поэзия, но ее не публикуют. На стенах в коридорах Союза писателей России такие стихи, на листках напечатанные, висят! Великолепные... Люблю читать дневники и переписку великих мира сего, и Библию. Там — жизнь...

Я. Т.: Светлана Вениаминовна, у меня есть трудный вопрос, но я Вам все же его задам, хорошо? Будучи автором книги «Педагогическая аксиоматика», не без Вашей помощи увидевшей свет, теории и технологии педагогического целеполагания, раскрывающей фундаментальные особенности целеполагающей деятельности, без учета которых целеполагание в образовании превращается в пустую формальность, считаю необходимым отметить ряд негативных явлений, которые разрушительно сказываются на отечественном образовании. И я остановлюсь только на некоторых, всем хорошо известных.

Вот Вы сказали, что преподавание русской литературы не терпит обезличенного подхода. Но именно так это чудо любви и мудрости преподается.

Допустимо ли выстраивать рейтинг учебных учреждений, тем самым разрушая целостность единой системы образования и формируя негативное отношение общества к преобладающему большинству из них?

И, наконец, разве можно оценивать работу ученых по публикациям, придавая особую значимость публикациям в журналах за рубежом? Мы великая страна. Мы по развитию своей науки не только не отстаем, мы во многом опережаем их. Наша беда заключается в том, что мы с легкостью сдали позиции.

С. И.: Почему же сдали?

Я. Т.: Мы не должны были столь безоговорочно соглашаться с полным игнорированием нашей методологической культуры. И я выражаю не только свое мнение, утверждая недопустимость по рейтингу оценивать работу наших учебных учреждений. Для ребенка не может быть школы по государственной оценке. **Она должна быть для него единственной!** Олицетворение Родины для него в этой школе. А когда она считается для первого десятка или первой сотни хорошей, а для всех остальных, не вошедших в эти рейтинги, никуда негодной, тогда мы стреляем не только в спину системе отечественного образования, но и по нашему будущему. Это разрушительно действует на целостность системы отечественного образования, которому я отдал жизнь!

С. И.: Что конкретно действует разрушительно?

Я. Т.: Да все то, что концентрированно выражено в поставленных мною вопросах. Разве непонятно, что рейтинговое отношение к школам и к нашим университетам разрушительно. Мы – страна с великими достижениями в образовании – считаем допустимым гордиться нашим вузом, согласно рейтингу отнесенному к пятой сотне вузов мира. Моя внучка кончала магистратуру в Англии. Ничего особенного она там не увидела. Я встречаюсь с американскими, английскими учеными, они мне, простите за резкость, в рот смотрят.

На самом деле, мы не умеем показывать миру, чем, несмотря ни на что, еще сильно отечественное образование. Мы не сумели отстоять своей «самости» в совместной с Западом разработке критериев, с позиций которых можно продуктивно строить наши взаимоотношения. Я понимаю, Светлана Вениаминовна, как не просто Вам отвечать на эти вопросы. Понимаю, что хотя мы далеко продвинулись в этом тупиковом направлении, мы еще не прошли точку невозврата. Но очень боюсь, что мы скоро ее пройдем, если

будем столь же ретиво продвигаться. Формальное отношение к образованию убийственно для образования, и я позволю себе задать вопрос: как Вы видите возможность возвращения Богу — Богова, а Кесарю — Кесарева?

С. И.: Яков Семенович, что ж, это метафорический, но правильный вопрос. И боль Ваша понятна, я ее разделяю. Только я считаю, что вопрос о точке невозврата не стоит. Наука — вещь сложная. Давайте вспомним. Наш институт — институт теории и истории педагогики родился в 1944 г., а самые значительные исследования падают на 70-е гг. Понадобилось примерно 40 лет для того, чтобы возникли научные школы, которые делают что-то продуктивное. Сейчас мы стараемся сохранить научные школы, созидая при этом новое. Но разве мы с Вами не знаем, что в науке есть и балласт? В разговоре со мной Вы часто вспоминаете, что нельзя из сосуда вычерпать то, чего туда не наливали. Вы же имеете в виду также и наши научные проблемы. Здесь в целом с Вами можно согласиться в том, что наука разнородна, она неодинакова. Есть крупные ученые, есть научные сотрудники, которые поддерживают исследования, разработки крупных ученых, разрабатывают какие-то идеи. А есть люди, которые пришли только ради диссертации и наукой заниматься никогда не будут. Те, которым удобно даже при невысокой зарплате, на полставки, на четверть ставки, найти вот такую вполне интеллигентную нишу и ничего в ней не созидать. Разве мы с этим не встречаемся?

Ученые чувствуют себя вполне уверенно, когда у них за плечами известные разработки, и они видят новое, актуальное в своей области, но они видят и научный балласт. Я знала научных сотрудников, у которых за пять лет не появилось ни одной научной публикации. Вы считаете, что такому человеку место в науке? Нет, конечно. Почему бы не сосчитать, сколько научный работник имеет публикаций? Почему? Я считаю, что это совершенно справедливо, поэтому наукометрические данные должны быть.

Другое дело, что над нами не должно быть засилья международных американских агентств. Не буду говорить о рейтингах университетов — это отдельная большая и, несомненно, большая тема, ее надо обсуждать отдельно. А что касается наукометрии, публикационной активности, то почему бы нет?

Ученый, который пишет, — интересен, мы стараемся продвинуть его в замечательные журналы, его цитируют. Почему он должен

быть уравнен с ученым, который ничего не пишет, нигде не публикуется и его, естественно, никто не цитирует?

Может вопрос цитирования не самый важный и внимание к нему искусственно раздуто, однако наукометрические базы показывают: кто цитирует и что цитирует. Однако если этим увлекаться, это, действительно, страшная беда: увлекаться и играть в эти «игрушки», бесконечно создавая новые условия и платформы для того, чтобы вынуждать ученого постоянно заботиться о своей востребованности.

Для этого ученым надо создавать особую научную среду, в которой продуцируется наука, в которой интересно быть, в которой живет творчество. Для этого ученый должен быть освобожден от очень многих вещей, типа самостоятельного учета своих результатов и заботы о собственном продвижении. Мы в институте стараемся это делать. У нас в институте есть центр научной информации, где этими вопросами занимаются. Мы стараемся развивать наши журналы и дружить со многими журналами, чтобы продвигать наши публикации. Мы стараемся издавать и монографии, хотя это очень и очень сложно. Надо расширять эти наши возможности. Надо расширять использование результатов интеллектуального труда, и это тоже точный и ясный показатель востребованности научной деятельности.

Да, есть наукометрия, которая сегодня позволяет как-то измерить труд ученого, но ученому, который продуктивен и творчески работает, не надо этого опасаться, у него неизбежно будут хорошие результаты.

Я. Т: Завершая наш весьма непростой разговор, спрошу: что бы Вы хотели в заключение сказать читателям журнала ФН и согласитесь ли Вы ответить на вопросы, которые будут поступать от читателей журнала после публикации нашей беседы?

С. И.: Спасибо за Вашу позицию, и оценку всего происходящего в институте. Я не могу не понимать, что публикация на страницах такого журнала ко многому обязывает. Для меня как руководителя, осознающего свою ответственность и перед государством, и перед каждым сотрудником института есть только один подход – разъяснить коллективу, в каких условиях мы находимся, чтобы **вместе** искать возможности достойно выполнить поставленные перед нами задачи. Ведь когда мы одинаково понимаем ситуацию, тогда я не противостояю коллективу, а выражаю общее согласованное решение. И тогда мы не только вместе, мы – команда, команда

единомышленников, для которых решение руководства — выражение собственной целевой устремленности. Я действительно буду стремиться делать все для того, чтобы каждый сотрудник гордился своим институтом, тем делом, которому каждый из нас посвящает жизнь.

Что же касается согласия отвечать на вопросы читателей журнала, конечно, я буду рада, если будут вопросы, если мы сумеем обсудить все, что волнует наших коллег философов в образовании, и естественно, то, что направленно на укрепление исследовательского взаимодействия педагогов с представителями смежных областей научного знания.

Я. Т.: Огромное Вам спасибо, Светлана Вениаминовна. Я думаю, что отношения с журналом институту очень полезны, и они будут развиваться. Рубрика, которую я веду, всегда открыта для сотрудников нашего института и для философов, которые поддерживают связи с образованием.

Хочу пожелать Вам здоровья, энергии и непреходящего желания трудиться. Спасибо Вам за все.

TEACHER – PHILOSOPHER – STRATEGIST

An Interview of the Columnist of the *Journal of Philosophical Sciences*

Head of the Council of School Principals of the CIS Countries

D.Sc. in Pedagogy, Professor Ya.S. Turbovskoy

with Director of the Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education, Corresponding Member of the Russian Academy of Education,

D.Sc. in Philosophy, Professor S.V. Ivanova

Citation: *TURBOVSKOY YA. S., IVANOVA S.V. (2017) Teacher – Philosopher – Strategist. In: Philosophical Sciences. 2017. Vol. 12, pp. 7-18.*